
Русский язык

УДК 811.161.1'373.4

О.А. Головачёва

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА, ПОСВЯЩЕННЫХ «ЖЕНСКОМУ ВОПРОСУ»*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению позиции Н. С. Лескова на актуальный во второй половине XIX века «женский вопрос». Писатель в художественных и публицистических текстах проводит мысль о необходимости подготовки медицинских работников-женщин в России.

Объектом исследования выступают преимущественно номинативные единицы, приобретающие в текстах яркую образность, экспрессивность, актуализирующие позицию Н. С. Лескова – прозаика и публициста.

Ключевые слова: лексические единицы, оценочная и прагматическая семантика.

Показательным признаком нравственного здоровья нации в любую эпоху и в любом цивилизованном обществе является отношение к женщине. Великого русского писателя Н. С. Лескова волновал актуальный для 2-ой половины XIX в. «женский вопрос». Он одним из первых обратил внимание на острую и актуальную для России проблему отсутствия медицинских работников-женщин. Мысль о необходимости иметь в данной области общественной деятельности специалистов-женщин красной нитью проходит в ряде произведений и статей, написанных в 60-е годы XIX в., среди них следующие: «Возможность женской эмансипации на деле. Опыт в калинкинской больнице. — Башкиры и мещеряки как образцы для русских эмансипаторов. — Священник Константин Стефанович. — Как будет идти далее вопрос о женщинах, имеющих право лечить? (далее – «Возможность женской эмансипации»); «Внутреннее обозрение: саратовские крестьянки как общественные деятели. — Болезни женщин. — Нечто об эстляндцах и о том, как «Русский инвалид» попал в число опасных изданий. — О неудобствах корреспонденции между Ригою и Петербургом» и «Специалисты по женской части» (далее – «Саратовские крестьянки как общественные деятели»); «Русские женщины и эмансипация».

Писатель полагает, что проблему надо решать исходя из особенностей менталитета простой русской женщины, потому что неотъемлемая часть ее души – стыдливость. Это свойство природы, проявляющееся в различных ситуациях, о чем Н. С. Лесков говорит в произведениях разных жанров, например, в повести «Житие одной бабы»: *В верхней Гостомле... поставили на выгоне сельскую расправу. Был на трех заседаниях в расправе. На одном из этих заседаний молоденькую бабочку секли за непочтение к мужу и за прочие грешки. Бабочка просила, чтоб ее мужиками не секли: “Стыдно, — говорит, — мне перед мужиками; велите бабам меня наказать” [1].*

* © Головачёва О.А.

В этом фрагменте обращает на себя внимание то, что доминирует лексика морально-этического диапазона, причем можно выделить тематическую группу с семантикой 'физическое воздействие на человека': *наказать, расправа, сечь*. Хотя указанные лексические единицы стилистически не отмечены, в повести они обрели яркую образность. Так, глагол *наказать* – «подвергнуть взысканию, налагаемому имеющим право, власть, на того, кто совершил преступление или проступок» [2] в контексте выступает в качестве синонима одного из ЛСВ глагола *сечь* – «наказывать розгами, плетью, хлыстом» (ТСУ). Из текста понятно, что для героини тяжелее не физическая боль, не моральное унижение от наказания за содеянное, а вынужденная необходимость предстать в «срамном» виде перед посторонними мужчинами, что по морально-этическим представлениям того времени являлось неприемлемым, даже когда речь шла о провинившейся женщине.

Не возражая обвинениям и готовясь понести наказание, *молоденькая бабочка* испытывает стыд. Но *стыд* – это «чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка» (ТСУ), а *поступок* – «совершенное кем-то действие» [3]. Причиной же стыда наказуемой является мысль об обнажении тела, которое увидят посторонние мужчины. Н. С. Лесков с сочувствием относится и к женщине, и к тому своеобразному смещению акцентов в понимании ею стыда: стыд за содеянное для нее менее значим, чем стыд за «ненадлежащий» вид при порке. Способом имплицитного выражения авторской оценки героини является, прежде всего, лексика. В контексте это слова с суффиксами деминутивного характера (*грешки, бабочка*).

Автором используется слово *баба*, выполняющее номинативную функцию, – «замужняя крестьянка» (ТСУ), но эмоционально-оценочную нагрузку несет на себе существительное *бабочка* – «ласковое обозначение молодой женщины» (ТСУ), которое ассимилирует и прилагательное *молоденькая* – «уменьшительно-ласкательное к *молодая*» (ТСУ). Писатель, как кажется, симпатизирует *молоденькой бабочке* с ее *грешками* и стыдливостью – для него столь естественной и неотъемлемой чертой характера русской женщины.

В повести «Житие одной бабы» найдем и другие примеры отражения автором в характерах героинь качества женской стыдливости (стремление закрыть тело от постороннего взгляда) – через иносказание (*не махонькая*) и упоминание традиции (не появляться в рубахе, т.е. в нижнем белье, перед чужими мужчинами):

Когда Вукол вышел за двери, Костик встал и, подойдя к кузнечихиной постели, одернул с Насти одеяло и крикнул: “Вставай!”

Настя вскочила, села на кровати и опять потянула на себя одеяло, чтобы закрыть себя хоть по пояс.

— Вставай! — повторил Костик.

— Полно тебе, — сказала кузнечиха. — Отойди от нее, дай ей одеться то. Ведь она не махонькая; не вставать же ей при мужиках в одной рубахе.

Казалось бы, представлена естественная для женщины застенчивость, но Костик и Настя – брат и сестра, выросшие вместе в тесноте крестьянской избы. Однако перед братом (как отмечает Н. С. Лесков, проявляя свой талант бытописателя, знатока народной жизни) Настя испытывает то же смущение, которое испытывала бы и перед любым другим мужчиной.

Русские женщины вследствие особенностей воспитания, образа жизни стыдливы, и это необходимо учитывать, считает Н.С. Лесков, при медицинских осмотрах. В противном случае наступают последствия, пагубные для психики женщины, примеров-аргументов тому он помещает немало в тексте повести «Житие одной бабы»: *...Квартальный забрал старуху с грыжей, одиннадцатилетнюю девочку с золотушным гноетечением... да Настю и под полицейским прикрытием повел их во врачебную управу.*

Используя прием показа события сквозь призму восприятия его каким-либо персонажем, Н. С. Лесков рассказывает о том, как Сила Иваныч Крылушкин, в доме которого находились эти больные женщины, узнав, что случилось во время его отсутствия, поспешил в управу и увидел там следующее:

Баба и старуха сидели на окне. Старуха плакала.

— Чего? что с вами сделали? — спросил перепуганный Крылушкин.

— Отец ты наш! За что же на нас срам-то такой?

— Что, что? скорей говорите.

— Да как же на старости-то лет меня, старуху, осматривать при всех при бесстыжих глазах.

Старуха, т.е. женщина, пережившая за свою жизнь много разного, становится выразительницей оценки автора: происходившее с ней *срам* – «позор, стыд, бесчестье, постыдное, унижительное для кого-чего-нибудь положение, вызывающее презрение» (СО). Писатель стремится показать, что женщина из народа воспринимает фельдшеров и врачей все-таки не как специалистов, а только как мужчин с *бесстыжими глазами*. Очень показательное использование в данном контексте определения *бесстыжий* из синонимического ряда *бесстыдный, наглый, непристойный, неприличный, циничный, охальный, развязный, беззастенчивый, хамский, срамной, откровенный, нескромный*. Если значение членов синонимической парадигмы в наиболее общем виде можно сформулировать как «нарушающий приличия, не чувствующий стыда», то по сравнению с ним семантика адъектива *бесстыжий* усилена компонентом 'в высшей степени'. В составе устойчивого оборота *бесстыжие глаза* слово *бесстыжие* имеет просторечную окраску и употребляется как бранное (ТСУ).

Нравственные мучения русских женщин разного возраста при осмотре их медиками автор показывает через описания психологических и физических проявлений стыда, используя соответствующую лексику: *Здесь стояла девочка, вся красная, как от печи отошла, с слезами на глазах, и подвязывала свои больные уши; Настя с раскрасневшимся лицом и бегающими глазами...*

И у старухи, и у девочки одиннадцати лет, и у молодой женщины в изображении Лескова-реалиста реакция на принудительный медицинский осмотр одинаковая: *старуха плакала – девочка... с слезами на глазах, Настя тихо заплакала*. Лексические единицы, которые передают реакцию стыда, образуют текстовую тематическую группу «Стыд».

Чем тверже нравственные (здесь – патриархальные) устои человека, тем острее он реагирует на то, что противоречит им. Н. С. Лесков подчеркивает, что Настя, испытавшая в жизни много бед и страданий, после такого медицинского насилия никогда уже не сможет оправиться от полученного шока, показывает писатель-гуманист, используя лексику с градуальной семантикой, указывающую на высокую степень проявления чувства, эмоциональной реакции:

Настя вскрикнула, рванулась и, не успев стать на ноги, упала на пол.

Потом вдруг поспешно вскочила и плюнула в лицо англичанину. Инспектор не успел прийти в себя от этого сюрприза, как бедная женщина с раскрасневшимся лицом и бегающими глазами перескакивала от одного к другому и, с каким-то воплем, по очереди всем им плевала в глаза. Настя прыгнула и к Крылушкину, вероятно, с тем же намерением — плюнуть ему в глаза, но тотчас его узнала, обхватила руками шею старика и, упав головой на его грудь, тихо заплакала.

В данном фрагменте повести «Житие одной бабы» Н. С. Лесков выражает свой гнев, негодование таким пренебрежением к специфическим моральным представлениям простой русской женщины через стилистически нейтральные языковые единицы, которые в контексте приобретают коннотативные обертоны смысла и отражают семантику обличения. Например, иноязычное слово *сюрприз* означает «неожиданный подарок» [4]. Этот «подарок» в виде плевка в лицо (реакция негодования от чувства стыда) – средство выражения автором идейно-эстетической концепции, обусловленной особенностью менталитета русского православного человека.

Чтобы подчеркнуть не божеский, а следовательно, и не человеческий подход к женщине, писатель на небольшом текстовом пространстве активно использует прием повтора: *плюнула в лицо англичанину; по очереди всем им плевала в глаза; плюнуть ему в глаза*. Все повторы в произведениях Н. С. Лескова концептуально обусловлены. Глагол *плюнуть* в тексте выражает глубокий символический смысл. Православные люди знали, что всегда плевать разрешено только на сатану: «И дуни, и плюни на него», – говорит, например, священник во время таинства крещения оглашаемого. И крещеные люди понимают, «зачем необходимо это дуновение и плюновение». По мнению П.Ю. Малкова, автора учебника, одобренного современными богословами, «если человек хочет нанести самое страшное оскорбление своему врагу, то он может сказать ему какие-нибудь обидные слова, ударить его, а может и плюнуть ему в лицо. И этот плевок в лицо окажется для врага гораздо худшим, куда более страшным оскорблением, чем все другие» [5]. Героиня Н. С. Лескова по-православному воздаст обидчикам, ее плевки – борьба против «сатанинских» действий врачей-мужчин, – именно так считает простая русская баба, и это стремится донести писатель. Настю активно, а в сложившейся ситуации героически поддерживает Сила Иваныч Крылушкин – добрый и мудрый старик. В речевой партии Крылушкина эксплицированы лексические единицы, обнажающие позицию автора. Прежде всего это лексема *стыдно*, в семантике которой наличествует пейоративная окраска, усиленная за счет повтора. В данном контексте даже традиционное в функции обращения слово *господа* воспринимается как единица негативнооценочная; такое же коннотативное содержание раскрывают предикаты *врач, целитель* – средства обличительного плана (операторы *разве так можно; не... а* в сопоставлении *не врачи, а ...палачи*):

— *Эх, господа! господа! А еще ученые, еще докторами зоветесь! В университетах были. Врачи! целители! Разве так-то можно насиловать женщину, да еще больную! Стыдно, стыдно, господа! Так делают не врачи, а разве... палачи.*

Если в художественных текстах позиция Н. С. Лескова очевидна и понятна читателю, но представлена в соответствии с идиостилевой установкой писателя имплицитно [6], то в публицистике голос автора, по меткому выражению

В. Распутина, «своеобычный и ядреный», звучит сильно и убедительно, оценки эксплицируются в большой мере. Например, в статье «Саратовские крестьянки как общественные деятели» Н. С. Лесков говорит, что естественная стыдливость особенно поселянок *«простирается до того»*, что они *«конфузятся говорить и показывать своё тело врачу»*, *«обмирают»* от медицинских осмотров мужчин, и *«даже предпочитают смерть невыносимому осмотру врача-мужчины»*.

Лексические единицы *конфузиться*, *невыносимый*, *обмирать* входят в тематическую группу с семантикой, обозначающей степень переживания человека, причем такого, которое травмирует личность. Автор констатирует то обстоятельство, что даже говорить о своем теле женщины *конфузятся* – т.е. «испытывают состояние смущения, неловкости, стесняются» (СО), а при осмотрах *обмирают* – «цепенеют от сильного, внезапного потрясения, переживания» (СО). Процедуры подобного рода кажутся ему неприемлемыми в современной крестьянской России, потому что противоречат нравственным устоям и являются для женщин *невыносимыми* – «превышающими терпение, непереносимыми» (СО). Н. С. Лесков в своих статьях призывает общество изменить положение дел, прислушаться к голосу разума, потому что в противном случае пострадают все: те женщины, которые привыкают к таким *операциям*, быстро становятся падшими (*крестьянская баба легко делается развратницею*) и негативно воздействуют на других.

В статье «Возможность женской эмансипации на деле» говорится о таких представительницах: *женщины, промышляющие своим развратом, разрушительным образом влияют на нравственность своих больных соседок*.

Губительные последствия могут наступить даже от соседства с женщинами, забывшими стеснительность и ставшими публичными, отмечает Н. С. Лесков. В данном контексте это показательно подчеркивает употребление частотного в публицистике оборота с опорным компонентом *промышлять*. При сохранении грамматической сочетаемости автор сознательно идет на нарушение семантической синтагматики, предусматривающей валентностные связи слова с субстантивами, обозначающими род занятий, промысел, например, *промышлять охотой, промышлять воровством*. Соблюдая языковую норму, следовало бы употребить выражение *промышляющие проституцией*. Однако Н. С. Лесков меняет иностранное, «обтекаемое» для русского языкового сознания слово *проституция* – «продажа женщинами своего тела с целью добыть средства к существованию» (ТСУ) на общепонятное русское *разврат*, которое к тому же значительно шире по семантике, в том числе и за счет контаминации двух ЛСВ: «половая распущенность, безнравственная половая жизнь» и «все дурное с моральной точки зрения, испорченность» (ТСУ).

Привлекая внимание читающей и мыслящей публики к данному обороту в его этнокультурной значимости, автор усиливает его смысл и тем самым указывает на возможную социальную перспективу: разврат как промысел ведет к деградации, *разрушительным образом влияет на нравственность* тех, кто находится вольно или невольно в близком окружении. *Стремление убивать стыд в женщинах, которые им только и держатся*, непростительно. Автор с болью в душе говорит: *«...Нужно же пощадить простое чувство и дать возможность лечиться без той нравственной пытки, которая невыносима для большинства самых скромных и самых чистых женщин»*. Слова *пытка* и *ле-*

чение не должны без особой установки (ирония, иносказание) в узусе употребляться в качестве синонимов, потому что *лечение* – это «действие, при котором принимают меры к выздоровлению больного» (ТСУ), в то время как *пытка* – это обратное действие, противоположное выздоровлению, – «физическое насилие, истязания, осуществляемые обычно палачами (иногда с помощью специальных орудий) при допросе обвиняемого...» (ТСУ).

Интертекстуальная соотнесенность вышеуказанного фрагмента статьи «Саратовские крестьянки как общественные деятели» с текстом повести «Жизнь одной бабы» (*так делают не врачи, а разве... палачи*) позволяет сделать вывод, что Н.С. Лесков употребил слово *пытка* именно в первичном значении. Физическое насилие неразрывно порождает и душевные муки у *самых скромных и самых чистых женщин*, следовательно, в тексте имеет место контаминация прямого и переносного значений: *пытка* – это еще и «нравственное или душевное терзание». Автор считает: *кому этот вопрос (осмотра) на жизнь и смерть, тем нужно дать средства решать его полегче*. Н.С. Лесков пытается через слово *полегче* – наречие с префиксом *по-* в значении «слабого усиления качества» (СО) – пробудить у медицинских и полицейских властей известные человеческие чувства, отмечает, что *стыдливость поселенок... гораздо сильнее, чем о ней обыкновенно думают*. Смущаясь рассказать симптомы болезни врачу, женщина начинает скрытничать, *болезнь усиливается, передается... одна семья наделяет другую...и наконец село, по народному выражению, «гниет»*. А лекаркам, «*преследуемым чиновниками земской полиции и уездным врачом*», женщины могут дать себя осмотреть, рассказать все подробности течения болезни, которые были бы очень важны для ее диагностики. Таким образом, подтверждается лесковская гуманистическая мысль о необходимости подготовки женщин-врачей и фельдшеров.

Автор в статье «Саратовские крестьянки как общественные деятели» называет стыдливость не дикостью, а естественным проявлением одной из особенностей женской природы, поэтому и считает необходимым как можно скорее «*обучить русскую женщину медицине и дать ей потом в руки медицинский диплом*». Писатель выводит этот вопрос в ряд важнейших, поскольку от того, здорова ли женщина, зависит и здоровье всей семьи, детей рожденных и будущих, в итоге – здоровье общества в целом. Н.С. Лесков говорит: «*...Во всяком случае можно смело ручаться, что одни врачи-мужчины не будут в силах принести той пользы русскому народу, какую могут принести они вместе с знающими дело лекарками*», потому что «*останутся еще кровоточивые женщины и девушки с такими болезнями, с которыми русская поселанка ни за что не пойдет к врачу-мужчине*».

Молодые и грамотные женщины сами это понимали, некоторые из них хотели стать фельдшерами, врачами, но не имели такой возможности, как известно. В обществе полагали предназначение женщины «*быть гувернанткой или актрисой, танцовщицей, всем, даже...конкубиной, но не врачом, не лекаркой*». Н.С. Лесков считает такое положение «*величайшей из великих несообразностей*», потому что *лекарка* – это прежде всего женщина, которой не стыдно показать тело и рассказать о болезни, и благоразумно обучить таких женщин некоторым хотя бы весьма несложным медицинским процедурам. Он категорично говорит об этом в указанных статьях, используя модальные операторы *должны быть, непременно*, включая предикатив *уверен*: «*...Затем мы*

уверены, что женщины-врачи у нас должны быть непременно, потому что для этого есть два очень сильные элемента: потребность и желание». Автор видит несомненную пользу в любом занятии женщин в области медицины, дающем положительные результаты в области служения народу, что отражает прямое употребление лексики с оценочной и прагматической семантикой (*уверен, непременно, потребность*).

Польза, в частности, обучения женщин оспопрививанию очевидна для Н.С. Лескова, о чем он говорит, используя слова с эксплицитной семой 'одобрение': *это будет иметь большое влияние на искоренение предрассудков крестьян, которые, убедясь примером матерей, прививающих оспу своим детям, сознают всю пользу и необходимость оспопрививания.* Лексика отвлеченного характера, отмеченная в данном тексте (*искоренение, оспопрививание*), служит средством номинации позитивных действий в оценке писателя. Когда же речь идет о явлениях / предметах, чуждых пониманию автора, например, о характеристике дам, которые *всегда были рабынями силы, собственного невежества или того «одуряющего любовного служения», и воскурения их слабостям, которые не могли выработать из них ничего иного, кроме слабовольных и слабосильных созданий*, то преимущественно книжная лексика с типичными для существительных суффиксами *-ств-, -ниј-, -ость* выступает как средство создания иронии и отражает негативную позицию автора.

Н.С. Лесков полагает, что *русское общество должно уважать в женщине свободного человека, а все, что можно нам желать от мужчин, это то, чтобы они оставили свой взгляд на женщину как на игрушку сладострастия.* Таким образом, автор в публицистических текстах объединяет стилистически нейтральные лексемы – контекстуальные партнеры, – при этом обнажается суть морально-этических понятий за счет примарной мотивации каждого компонента, что производит мощный эффект эмоционально-оценочного свойства при воздействии на читателя. Например, в сочетании *игрушка сладострастия* негативная оценка понятийного ядра композита синтагматического сцепления *сладострастие* – «повышенная чувственность, сильное влечение к удовлетворению полового чувства, похоть» (ТСУ) усиливается за счет доминирующей семы 'пассивность', входящей в лексическое значение одного из ЛСВ лексемы *игрушка* – «послушное орудие чужой воли; то, чем распоряжаются по своей прихоти или произволу» (ТСУ).

Размышляя о возможности использования профессионального труда женщин в больницах в статье «Возможность женской эмансипации на деле», Н.С. Лесков приходит к выводу, что чиновники в столице не видят в этом перспективы. Невозможное в столице оказывается приемлемым для провинции: на окраинах империи женщины учатся оспопрививанию, вскрытию нарывов, о чем говорит автор, используя книжно-отвлеченные субстантивы, функционирующие в качестве номинативных единиц:

Олимпиада Ласкова и Дарья Афанасьева получили свидетельства, предоставляющие им право распознавать и лечить сифилис наружными средствами. Башкиры и мещеряки, в качестве эмансипаторов, не вопили, не метались, не неистовствовали, а предложили нашим же здешним женщинам средства учиться.

В публицистических текстах для проявления своей позиции и привлече-

ния внимания общественности к женскому вопросу Н.С. Лесков использует лексические и фразеологические единицы (ФЕ) разных стилей.

Наряду с книжной лексикой Н.С. Лесков использует и фразеологические единицы книжного характера: *изъявить желание, привести в исполнение, благие начинания, нравственное начало, status quo* и др.: *Олимпиада Ласкова и Дарья Афанасьева изъявили желание учиться распознаванию сифилиса; ...и в одном отделении эта прекрасная мера уже приведена в исполнение; Остаются ли все эти благие начинания in statu quo [В прежнем положении – Лат.], или им суждено будет идти далее – Бог весть!*

Как и лексические единицы, фразеологические выполняют номинативную функцию в контексте. Но имеют место и трансформации некоторых фразеологизмов, в том числе книжного стиля, что подразумевает «целенаправленные авторские изменения фразеологических единиц, распространяющиеся на их структуру и семантику и способствующие активизации потенциальных выразительных возможностей фразеологических единиц» [7]. Например, в статье «Саратовские крестьянки как общественные деятели» устойчивое выражение **отправиться к праотцам** претерпело трансформацию компонентного состава (*отправиться к прадедам*) за счет уточнения, конкретизации значения ФЕ с учетом идейно-оценочной перспективы текста в целом: *В селах, Бог даст, побавится слепых и обезображенных оспой крестьян, и кладбища не станут глотать тысячи маленьких гробиков, в которых русское молодое поколение, не достигая трехлетнего возраста, отправляется к прадедам.*

ФЕ *отправиться к праотцам* – «умереть» [8] представляется частично мотивированным за счет употребления в прямом значении одного из компонентов, а именно слова *праотец* – «прародитель, родоначальник какого-нибудь поколения» (ТСУ). Н. С. Лесков, используя прием субституции корневого морфем (*отец//дед*), попутно проводит и распрефиксацию в слове *праотец* на семантическом уровне: наличествуя в структуре слова префикс *пра-* не выражает значения, закрепленного в системе языка, – «первоначальный, наиболее древний» (СО). А в слове (*пра*)*дед* – «дед отца или матери» (ТСУ) приставка возвращает себе значение, указывающее на более раннее родство, чем то, которое связывает ребенка и отца. Трансформация данного выражения заключается в «оживлении составляющих идиому слов и использовании их как самостоятельных семантических единиц» [9]. Такая лингвистическая работа автора приводит к восприятию фразеологизма как устойчивого словесного комплекса с входящими в его состав элементами. По мнению А. А. Стрижак, «подобный прием стилистического использования фразеологизмов помогает более точно и более глубоко понять авторский замысел» [10]. Следовательно, можно говорить о стремлении Н.С. Лескова в публицистике к более откровенной, чем в художественной прозе, экспликации позиции с помощью нейтральных, стилистически ориентированных средств лексики и фразеологии, а также возбуждения контекстуальных коннотаций у этих единиц.

Мы видим, что и в указанных статьях, и в художественных произведениях Н. С. Лесков затрагивает актуальную, злободневную и широко обсуждаемую в обществе проблему, которая сама по себе эмоциональна в силу специфики предмета обсуждения. Как писатель-реалист, ценивший бытовую сторону жизни народа, его обычаи в качестве предмета отображения, и как публицист-аналитик, он старается по возможности гуманистически разобраться в сути

проблемы. Для демонстрации объективности позиции Н.С. Лесков в текстах использует преимущественно нейтральную в стилистическом отношении лексику, которая тем не менее приобретает экспрессивность, эмоциональность, оценочность не только при описании «жития» одной лишь женщины, но и тогда, когда речь идет о тысячах русских баб.

Список литературы:

1. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 томах. – М., 1996.
2. Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н. – Тт. 1–4. – М., 2001 (далее – ТСУ).
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986 (далее – СО).
4. Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов. – М., 1988.
5. Малков П.Ю. Введение в литургическое предание. Тайнства православной церкви. – М, 2006. – С. 50.
6. См.: Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. – М., 2000.
7. Стоян Л.М. Фразеология русскоязычных произведений Т.Г. Шевченко: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1988. – С. 7.
8. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А.И. – М., 1986.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
10. Стрижак А.Л. Актуализация компонентного состава фразеологизмов в произведениях русскоязычных писателей Беларуси // Материалы международной научно-практической конференции «Восточные славяне: историческая и духовная общность». – Гомель, 2008. – С. 208.

O. Golovacheva

ON LANGUAGE AND STYLE IN N. LESKOV'S WORDS DEVOTED TO «WOMEN'S ISSUE»

Abstract: The article is devoted to the study of Leskov's outlook on the urgent in the second-half of the XVIII-th century "women's issue". In his works of art, social and political essays the writer carries out the thought about the need of training women as physicians in Russia.

The subject of study in the work is predominantly the nominative units, which acquire brilliant figurativeness, expressiveness in Leskov's texts and actualize his position as prose and political essays writer.

Key words: Lexical units, estimated and pragmatical semantics.